

ЗА КУЛИСАМИ ТЕАТРА

Постепенно смолк привычный гул в зале перед торжественной минутой. Медленно раздвинулся бархат занавеса. На ярко высвеченный желтый диск сцены выбегает актер и... молчит. Проходят томительные полминуты. В темноте зала кто-то засмеялся. Актер повернулся и убежал, как убегают обычно школьники, когда читают стихотворение и вдруг забывают слова.

— Ничего удивительного, — сказала Софья Васильевна Пушкина, заведующая костюмерным цехом драматического театра им. А. С. Пушкина. — Обыкновенный шок. Когда артист выбежал, он зацепился за что-то и порвал костюм. Вот и не мог сразу «привязаться» к тексту. Но все в тот раз обошлось благополучно. Одевальщица, что стояла за кулисами с костюмом-дубликатом, в считанные секунды передела актера, и спектакль пошел.

Мы сидим с Софьей Васильевной в комнате, увешанной испанскими камзолами и мундирами царских времен, китайскими халатами и фигаро, какими-то костюмами восточных народов. На теннисном столе, за ненадобностью приспособленном под склад не готовой еще продукции, — груды отрезков.

В костюмерную заходит главный художник театра Владимир Анатольевич Балдин и прямо с порога:

— Я вас какой просил приготовить костюм для актрисы!

Софья Васильевна показывает серую ткань.

— Так ведь она сольется с алюминиевой декорацией. Нельзя что-нибудь другое?

— Можно. Только вряд ли в Красноярске вы найдете для вечернего платья «Космос», «Янтарь» или «Жемчуг».

— Надо выходить из положения. Посмотрите по магазинам еще раз.

Ну, что ж. Надо, так надо. И можно быть уверенным, что Софья Васильевна обегает полгорода в поисках нужного материала и обязательно раздобудет его.

Не менее сложная задача решается и в бутафорской. Здесь, как и в костюмерной, можно найти все — епископский посох, алебарды, кукол, изображающих грудных младенцев, предметы гражданского и военного обихода древней Греции, капитель ионического стиля, трости, шлемы, доспехи — словом, что существовало до нас и существует сейчас.

Насколько мастерски «обманывает» зрителя Николай Зенковский, заведующий бутафорным цехом, мне пришлось убедиться самому. Так и хотелось отломить кусочек торта, который лежал на... шляпе. Оказалось, что торт... бумажный. И

яблоки тоже бумажные, только чуть больше размером, чем обычные.

— Это чтобы лучше все «читалось» со сцены, — поясняет Николай.

Рядом с бутафорской в обширном зале «вотчина» заведующего декоративным цехом Владимира Семенова. Вовсю идет приготовление к очередной премьеры. Краска выливается прямо из ведерок на длинное полотно, размазывается малярной кистью. И кажется совершенно невероятным, что грубо намалеванная кулиса перед зрителем предстанет великолепным пейзажем.

Мастерская заведующего парикмахерско-гримерным цехом Павла Григорьевича Коркина — это что-то вроде ушедшего в прошлое индийского вигвама — столько здесь разнообразных «скальпов» — курчавых, длинноволосых, темных, рыжих, седеющих... На полках пышные парики женщины к спектаклю «Гибель поэта», замысловатые прически для масозки к «Марии Стюарт».

Тут же и грим: кармин, пудра, румяна, черная краска. Зритель, восторженно глядя из своего кресла на сцену, даже не подозревает, какого труда стоит гримеру придать артисту единственно верные для изображаемого им героя черты.

Отыскать убедительные, оригинальные черточки и все решение портретного грима Коркину помогает глубокое понимание смысла спектакля, способность «вжиться» в характер каждого персонажа.

Ведь что, собственно, получается. Авторы своих пьес в ремарках дают обычно очень мало указаний о внешности своих героев. Предположим, такой-то и такой-то офицер в отставке. Приличный господин средних лет, с усами, лысоват, выражение лица насмешливое. Вот и нужно гримеру ясно себе представить, кого играет актер, найти «зерно» роли. Потому, что каждый грим — это живой образ, определенный человек со своим характером, физическим состоянием, со своими вкусами и привычками. Причем в гриме нужно угадывать образ жизни человека, род занятий, среду, в которой он живет.

За тридцатилетнюю театральную практику, — говорит Павел Григорьевич, — мне приходилось делать лица полными и худыми, старыми и молодыми, здоровыми и болезненными, добрыми, злыми, насмешливыми,

хитрыми и наивными. Словом, помогать актеру лепить сложный образ.

Коркину это удается сделать. Поэтому не удивительно, что его постоянно приглашают для помощи профессиональным и самодеятельным коллективам в Ачинск и Канск, Кызыл, Абакан и Минусинск.

...Дирижерский пульт управления художника-осветителя Павла Ивановича Егорова — под сценой или сбоку в ложе. В его «подчинении» десятки рубильников, рычагов, выключателей. Все это хитроумно, связано с определенным источником света — белым, голубым, красным, синим. Он, как волшебник, может создать эффект мчащихся туч, восходящего солнца или появления луны. И, самое главное, высветить героя, который три часа живет среди декораций, сделанных руками декораторов, мебели, сработанной столярами, в costume — костюмеров, парике и гриме — гримеров. Их не видит зритель, но это и их трудом, их творческой выдумкой создается каждый спектакль.

В. ГРОШЕВ.

На снимке: последние минуты перед спектаклем. П. Коркин с артистом Красноярского драматического театра Г. Петровым проверяют грим.

Фото Р. Маняфова.

